

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-153-177

**МЕЖДУ СТРАХОМ И СМЕХОМ:
ТАКТИКА «ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК»
В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ ЭПОХИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Статья выявляет сходства и различия в тактике антироссийской пропаганды, развернутой в эпоху Крымской войны английской и французской прессой. Предметом сопоставления послужили два английских и два французских издания, типологически и генетически связанные между собой: «The Illustrated London News» vs «L'Illustration» и «Punch» vs «Le Charivari». Наблюдения показали, что английская антироссийская пропаганда эпохи Крымской войны имела более ожесточенный и циничный характер, нежели французская. Это объяснялось набором факторов. Английская армия в Крыму несла высокие боевые и небоевые потери; английское общественное мнение не было подготовлено заблаговременно к войне против России; в английском обществе существовал немногочисленный, но все же заметный сегмент, не разделявший военных планов правительства. Воинственность общественных настроений приходилось возвращать «аврально» и подпитывать экстремально жесткими «вбросами», повергающими в ужас и ярость перед лицом «русской угрозы». В целом же тактика пропаганды в Англии и во Франции строилась по единой схеме: с одной стороны, насаждался страх перед «русской угрозой», с другой – происходило осмеяние России, убеждавшее обывателя в легкой победе над ней.

Ключевые слова: информационная война, «Иллюстрированные лондонские новости», «Иллюстрация», «Панч», «Шаривари», «резня в Ханко», «Синопская резня», Роджер Фентон.

ВВЕДЕНИЕ

Импульсом для статьи послужила выставка «Крымская война: взгляд сквозь века», которая открылась в Симферополе 9 сентября 2025 г. и была приурочена ко Дню памяти воинов, павших при обороне Севастополя и в Крымской войне [10]. Официальное утверждение этой мемориальной даты состоялось в 1996 г., когда парламент полуострова принял соответствующее постановление. Отношение ко Дню памяти воинов изначально было отнюдь не формальным, и каждый год к нему приурочивался целый ряд разноплановых и, надо сказать, масштабных мероприятий (восстановление памятников, подготовка научных изданий и мн. др.). Причем содержание мероприятий всегда соответствовало идеологическим запросам эпохи. До 2014 г. они служили одним из примеров актуализации исторической общности Крыма и России. Учреждение памятной даты инициировали депутаты от Русской общины Крыма. Закономерно, что и ныне «крымский взгляд» на события первой обороны Севастополя сопрягается с наиболее острыми вызовами современности.

Сегодня один из животрепещущих вопросов для Крыма – международная информационная война, объектом и субъектом которой полуостров оказался в последнее десятилетие. Строго говоря, Крым и прежде был предметом информационного противостояния между Россией и Западом, но, начиная с 2014 г., ход конфликта в медийной сфере приобрел исключительную интенсивность. В этом отношении вполне уместны аналогии с эпохой Крымской войны, которую исследователи называют первой «медийной войной» [21, с. 126–127] или первой «информационной войной» [11]. Тогда Крым также оказался на первых полосах европейской прессы, а европейские журналисты

на «крымском материале» «обкатывали» тактику и стратегию информационно-психологического воздействия, или, говоря проще, пропаганды. Этим и обусловлено, что выставка, с которой мы начали разговор, ставила перед собой цель – проиллюстрировать «информационные атаки» западной прессы на Россию в эпоху Крымской кампании.

Инициатором и главным организатором выставки выступил Государственный Совет Республики Крым, но в подготовке материалов приняли участие многие научные и музейные организации полуострова, и в их числе – Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна КФУ им. В. И. Вернадского. Участие в проекте потребовало прицельного поиска фактов по первоисточникам и их анализа. Но, поскольку формат выставки подразумевал приоритет визуальной составляющей, значительный массив материалов (прежде всего, текстового характера) оказался в зоне «активной периферии»: диктовал концепцию экспозиции, но не предстал перед зрителями. Однако эти материалы позволяют сделать наблюдения, имеющие не только просветительское, но и актуальное научное значение.

Цель настоящей статьи – выявить сходства и различия в тактике антироссийской пропаганды, реализованной в эпоху Крымской войны английской и французской прессой. «Информационный фронт», открытый в ту пору западными державами, имел беспрецедентную активность, и о заметном воздействии информационного фона на ход событий писали многие военные историки (начиная с академика Е. В. Тарле), а также историки журналистики. Существует ряд исследований, анализирующих освещение боевых действий теми или иными европейскими изданиями [1; 2; 5; 13 и др.]. Но сопоставительного анализа английских и французских изданий не осуществлялось. Между тем, разница в подаче военно-пропагандистской информации определенно существовала. Ее мельком отмечали и Е. В. Тарле [27, с. 376], и известный историк журналистики Г. В. Прутцков, констатировавший, что, например, на победу России в Синопском сражении британская пресса реагировала «гораздо более резко, чем французская» [20, с. 32]. Соглашаясь с этим замечанием, полагаем что оно нуждается в фактологическом расширении и логическом объяснении. Этим намерением и определяется цель статьи.

Материалом послужили публикации в английских изданиях «The Illustrated London News» и «Punch» и во французских – «L'Illustration» и «Le Charivari». Корректность сопоставления изданий обусловлена их типологическим сходством и прямым родством: французская «L'Illustration» создавалась по образцу британских «The Illustrated London News», а британский «Punch», напротив, наследовал традицию французской газеты «Le Charivari».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Иллюстрированные лондонские новости» против «партии мира»

«The Illustrated London News» («Иллюстрированные лондонские новости») – первая в истории печати иллюстрированная газета. Начала выходить в 1842 г. с еженедельной периодичностью; стабильно набирала популярность и в период Крымской войны достигла тиражей в 200 000 экземпляров. Обычно успех газеты объясняется количеством и качеством публиковавшихся гравюр, и с этим трудно спорить, однако не следует игнорировать и текстовое содержание, которому редакция придавала весьма серьезное значение. Боевые действия между Россией и Турцией и накалившиеся в связи с этим отношения между Россией и Англией, разумеется, находили отражение на страницах издания. Причем в «информационную войну» против России газета вступила раньше, чем Британия объявила войну реальную.

Как известно, объявление войны последовало от британской стороны 27 марта 1854 г., между тем еще 11 февраля «The Illustrated...» напечатала на первой полосе статью с красноречивым заглавием «Война против варваров». Под «варварами» подразумевались русские. Текст сопровождается изображением донского казака, очевидно, размещенного здесь лишь «для колорита», поскольку критический пафос статьи адресовался почти исключительно российскому императору Николаю I:

«В истории есть много имен, которые всегда упоминаются лишь с упреком и осуждением. Император России готовится занять в этом списке выдающееся место. Память о первом Наполеоне просто воссияет, как ангел света, по сравнению с тем мраком вины, который покрывает Николая. У первого было множество национальных и высоких оправданий своему честолюбию, у другого – лишь самые низменные и личные. Он – самый эгоистичный из зачинщиков войн, которых когда-либо видела современная эпоха. Чтобы найти для него параллель, нужно обратиться к темным обычаям диких веков» [66, р. 117–118].

В этой азартной словесной атаке на Николая I – еще до начала военных действий против него – нет ничего странного. Информационная война почти всегда развязывается накануне войны реальной и служит психологической подготовкой для нее. Выпады против России в английской печати стали заметно звучать сразу после начала боевых действий русской армии против турок в 1853 г., но начало «горячей фазы» информационного конфликта, конечно, ознаменовало Синопское сражение [19, с. 75]. Ошеломляющий разгром турецкого флота в ноябре 1853 г. показал, что Турция не способна противостоять России, а это, в свою очередь, предопределило вступление в войну Франции и Британии и послужило сигналом для форсированного «информационного наступления». Печатная истерия по поводу российской победы под Синопом стала, так сказать, первым залпом английской прессы по России. А далее следовал длительный период беспрерывных атак, поддерживавших общественное настроение англичан в тонузе.

Начало войны англо-французских союзников против России не приносило ощутимых результатов. Так что английской прессе приходилось раздувать значение тактических достижений вроде захвата русского острова Бомарзунд в августе 1854 г. Однако в сентябре 1854 г. союзникам удалось добиться действительно серьезных успехов. 14 сентября флот союзников сумел десантировать в Каламитской бухте близ Евпатории армию численностью более 60 000 человек. Русские войска попытались преградить противнику путь к Севастополю, но 20 сентября потерпели поражение в кровопролитном Альминском сражении и отступили к морской крепости.

В ту пору новости о подобных событиях оказывались в английской прессе с задержкой приблизительно дней в 10, так что можно было бы ожидать, что в номере от 30 сентября еженедельник «The Illustrated London News», уже появится сообщение об Альминской битве. Однако вместо того находим в чрезвычайно объемный очерк войны на Востоке с момента вступления русских войск в Придунайские княжества – до краткого упоминания о высадке союзников под Евпаторией 14 сентября 1854 г. [44] И лишь в следующем номере от 7 октября появляется статья, посвященная Альминской битве и озаглавленная «Победа в Крыму». Причем подробностей сражения здесь не находим, вместо них – лишь продолжительная патетическая тирада:

«В летописях всех времен 14 сентября – день, когда союзные армии высадились в Каламитском заливе, – будет памятно не только современными успехами, которые оно предвосхищает, но и громадным и благотворным влиянием на будущую историю цивилизации. Франция и Англия могут воскликнуть вместе с Цезарем, но с еще более веским основанием: “Пришли – увидели – победили!” Они подтвердили общественное право Европы; они покарали гигантского агрессора; они преподали полезный урок усмирения амбиций; и, с завоеванием Крыма и ограничением России ее собственными границами, чего можно ожидать как неизбежного следствия, они открыли новую эру мира и прогресса не только для себя, но и для народов Центральной и Восточной Европы; мрачная и смертоносная тень Российской империи слишком долго вела их к упадку и разрушению» и т. д. [65, р. 333].

Очень много патетики и очень мало подробностей дела. Почему? Это становится понятным из статьи «Мнимый захват Севастополя», размещенной сразу вслед за только что процитированной. Как выясняется, 30 сентября европейская пресса, со ссылкой на источник в Вене, разнесла «новость», что союзникам удалось не только выиграть битву при Альме, но и захватить Севастополь со всем его арсеналом. Поверив сообщению, европейское общество, по меткому выражению «The Illustrated...», на какое-то время оказалось в «раю для дураков» [33]. Предпринятый газетой анализ показывал, что источником ложной информации были биржевые спекулянты. Но как бы там ни было, а совершенно очевидно, что разоблачение фальшивки заставляло общественное мнение качнуться от неоправданной эйфории к преувеличенному разочарованию. Ситуацию могла бы исправить публикация официальных данных об Альминском сражении, но они, по признанию газеты [45], запаздывали; перепечатывать непроверенные сведения после информационного скандала было рискованно, и потому редакция, не располагая существенными сведениями, сочла за лучшее успокоить читателей потоком пафосных восклицаний, растянутых почти на полновесную полосу. То есть для информационного выпада против России факты в общем-то и не требовались.

Между тем дела в Крыму перестали внушать оптимизм. Не сумев сходу взять Севастополь, союзники увязли под его стенами, втянувшись в осадное противостояние, которое солдаты прозвали «кротовой войной» [15, с. 76]. Вокруг крепости протягивались многие километры траншей, медленно приближая союзников к городу. Боевой дух английской армии серьезно подорвала сначала Балаклавская битва (25 октября 1854 г.), погрузившая Британию в национальный траур, а затем Инкерманское сражение, хоть и не принесшее русской армии победу, но настолько обескровившее англичан, что они лишились возможности активных действий. Кроме того, британцы оказались не готовы к холодам. Вспыхнувшие эпидемии причиняли колоссальные небоевые потери: в первые месяцы войны англичане только от болезней теряли в Крыму 39 человек из 100 [2, с. 114], так что солдаты союзников называли Крым «кладбищем» [7, с. 96]. Поскольку английская печать была свободна от цензуры, находившийся на театре военных действий корреспондент Уильям Рассел в репортажах для «The Times» совершенно откровенно сообщал о бедственном положении армии. Мало того, что это привело к правительственному кризису [9, с. 68], общество на фоне негативных новостей погружалось в уныние. Аудитория начинала воспринимать войну как бессмысленную авантюру. Серьезное значение при этом приобретал очевидный идеологический алогизм, компрометирующий «мораль» крымской кампании.

Речь о том, что в Англии существовало устойчивое представление о Турции как о стране воплощенного варварства и деспотизма. Не беремся судить, как глубоко в века уходит этот стереотип, но, например, в XVIII в. британские путешественники, изображая Османскую империю, обращали внимание, прежде всего, на беспредельную власть султана, жестокость законов и нравов, общее невежество, а в целом Турция виделась им «как государство-агрессор, которое всячески угнетает покоренное немусульманское население» [12, с. 28]. Причем это было убеждением, присущим всей Западной Европе. По словам И. В. Гёте, в русско-турецких войнах второй половины XVIII в. симпатии европейского общественного мнения оказывались на стороне победоносного шествия на Восток Екатерины II: «Так как происходило это за счет турок <...>, то даже когда эти нехристи гибли тысячами, считалось, что человеческих жертв не было; <...> пылающий флот в Чесменской бухте стал поводом для ликования всего цивилизованного мира, каждый ощущал себя причастным к торжеству победителей» [6, с. 543]. И могло ли быть иначе, если властитель общественного мнения Вольтер видел в русских победах над турками торжество гуманности и прогресса? «Я очень уверен, – писал он Екатерине II в 1768 г., – что если турки должны быть выгнаны из Европы, то будут выгнаны Россией» [18, кн. I, с. 38]. «...Все соседние государи должны соединиться с Вами, – развивал он ту же мысль чуть позднее, – и под Вашим покровительством истребить два величайших бедствия земного шара – язву и турок» [18, кн. II, с. 59]. Подобное отношение к Турции программировали не только путешественники и философы, но также историки, которые щедро предоставляли аудитории информацию «о многочисленных переворотах и узурпациях власти» [8, с. 44] в Турции.

Неудивительно, что представление о «варварской и деспотической Турции» прочно вжилось в европейское сознание и сохраняло стабильность в XIX в. Причем это порою могло становиться основой, если не для реального политического сближения, то, во всяком случае, для идеологической солидаризации между Британией и Россией. Так, после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. статс-секретарь по иностранным делам лорд Эбердин считался «другом» России, поскольку «громко говорил, что сочувствует России, победа которой окончательно освободит Грецию от “варварской власти” турок» [26, с. 101]. Поэтому, когда Англия в 1854 г. объявила войну России с целью защитить Турцию, из уст противников войны стала звучать констатация «неудобного» факта: «Мы <...> поддерживаем слабую, варварскую и не христианскую Державу» [17, с. 294].

Преодоление этого идеологического казуса требовало от провоенной пропаганды целенаправленных усилий. Однако задача упрощалась тем, что в Англии существовал отработанный алгоритм необходимых на такой случай решений, или привычные «объяснительные модели» [31, с. 211]. Н. И. Храпунов очень точно отмечает, что в британском миропредставлении существовала некая «иерархия народов от “варварства” к “цивилизации” – вопрос был лишь в том, кого поместить на этой лестнице выше» [32, с. 399]. Добавим к сказанному, что страны и народы порою меняли свое место в этой «иерархии», но – по воле Британии и в четкой зависимости от интересов Британии. Собственно, «иерархия» и нужна была, прежде всего, для идеологических целей: служила моральным оправданием английской колониальной политики, которая преподносилась как приобщение к цивилизации либо диких, либо варварских народов. Так, образ «варварской» и «деспотической» Турции облагораживал системную экономическую экспансию со стороны Британии, которая, в представлении английского общества, несла

Османской империи либеральные блага, в том числе преимущества свободной торговли. Когда же Англия стала всерьез опасаться российской конкуренции в Восточном вопросе, для обоснования войны против России идеологам достаточно было лишь поменять местами Россию и Турцию в «иерархии», определяющей степень «варварства». Проще говоря, необходимо было убедить аудиторию, что русский деспотизм, *против* которого воюют англичане, хуже, чем турецкий деспотизм, *за* который воюют англичане.

Поскольку русско-британские отношения на протяжении недавней истории обострялись регулярно, англичанами уже в прежние эпохи был «наработан» корпус текстов, предлагавших «формулы» для подобных ситуаций. Пожалуй, наиболее характерным сочинением подобного рода были изданные в 1810 г. «Путешествия...» Э. Кларка по России, Крыму и Турции. Автор настолько последовательно и безапелляционно демонизировал русских, что Турция на этом фоне начинала выглядеть страной гораздо более цивилизованной. А в таком контексте вполне логичным выглядело предложение автора отторгнуть Крым от России и передать его под управление Османской империи [30, с. 114]. Точно по этой «формуле» стала действовать пропаганда и накануне Крымской войны. Английского и французского обывателя убеждали, что даже Турция более близка «к духу века и к гуманности» [26, с. 145], нежели «варварская» Россия. На подготовленном информационном фоне одному из «авторов» развернувшейся Крымской войны Пальмерстону было вполне комфортно реанимировать старую идею отторжения Крыма от России [31, с. 211].

И наблюдения показывают, что в эпоху Крымской войны британские газеты начинали идеализировать Турцию и принижать Россию [13, с. 295]. Газета «The Illustrated London News» в полную силу включилась в этот процесс. В номере от 16 декабря 1854 г. она разместила переписку между двумя известными политиками Джоном Брайтом и Абсаломом Уоткином.

Джон Брайт был членом Палаты общин и одним из самых известных парламентских ораторов; изначально выступал против вступления Англии в Крымскую войну, что поставило его в оппозицию к правительству. В конце октября 1854 г., когда антивоенные настроения в обществе набирали силу, он составил публичное антивоенное письмо, адресованное манчестерскому политическому деятелю А. Уоткину. В кратком изложении позиция Дж. Брайта заключалась в том, что британское правительство совершило ошибку, ввязавшись в войну за тысячи километров от Лондона и пожертвовав тысячами жизней ради Турции, угнетающей греков и другие христианские народы [59]. Ответ А. Уоткина строился как раз по принципу замены мест в «иерархии варваров». Поскольку факт угнетения христиан опровержению не поддавался, Уоткин, начав с общих фраз о необходимости защиты слабых (в представлении Уоткина, турок, а не христиан и греков), сосредоточил пафос на изложении мифологем, не имеющих отношения к ходу военного конфликта, но очерняющих Россию, так сказать, на все времена:

«Вспомните ее историю со времен энергичного дикаря Петра I, к которому философы-паразиты бесславной Екатерины приложили эпитет “великий”; вспомните его животное пьянство, его грубую распущенность, его адскую жестокость; вспомните, что его обвиняют в убийстве собственного сына; и что, основывая Санкт-Петербург, он принес в жертву почти 100 000 несчастных подданных. Две женщины, его непосредственные преемницы, были жалкими

копиями его поведения; а затем появилась кровавая и распутная Екатерина, бабушка, я так понимаю, нынешнего самодержца <...>. Вероятно, на земле никогда не существовало деспотизма более безнравственного, жестокого и мерзкого, чем российский» и т. д. [59].

Вроде бы газета дала возможность читателям познакомиться с двумя точками зрения, но подача материала программировала однозначную поддержку той, что оправдывала войну. Прежде всего, публикация носила заглавие «Яд и противоядие», из чего было совершенно ясно, что под «ядом» редакция подразумевает антивоенную позицию Дж. Брайта. Кроме того, в преамбуле к публикации письмо Брайта называли «вредным», а самого Брайта – «другом царя». По существу, газета давала читателям установку, что всякий, кто придерживается антивоенной позиции и сомневается в варварстве России, выступает на стороне противника и должен подвергнуться «словесной порке», подобно Брайту.

Демонизация России осуществлялась «The Illustrated...» на фоне значительного объема материалов, которые должны были возродить общественную веру в силу английской армии. Это особенно заметно по графическим материалам газеты. Как известно, «The Illustrated...» была одним из первых изданий, на чьих страницах появились крымские фотографии Роджера Фентона. Можно встретить мнение, что именно этому газете обязана своей популярностью [63]. Последнее вызывает сомнение. Фотографии Фентона действительно вызвали взрывной интерес публики. Однако в газетном исполнении они полностью утрачивали свои преимущества, поскольку для печати приходилось из фотографического изображения делать литографическое, что лишало «картинку» детализации и реалистичности. На газетной полосе фотография ничем не отличалась от прочих изображений. Чтобы оценить искусство Фентона, зрителю необходимо было посетить специальную выставку, где экспонировались крымские фотографии автора. Газетная же публикация снимков имела, скорее, идеологический смысл.

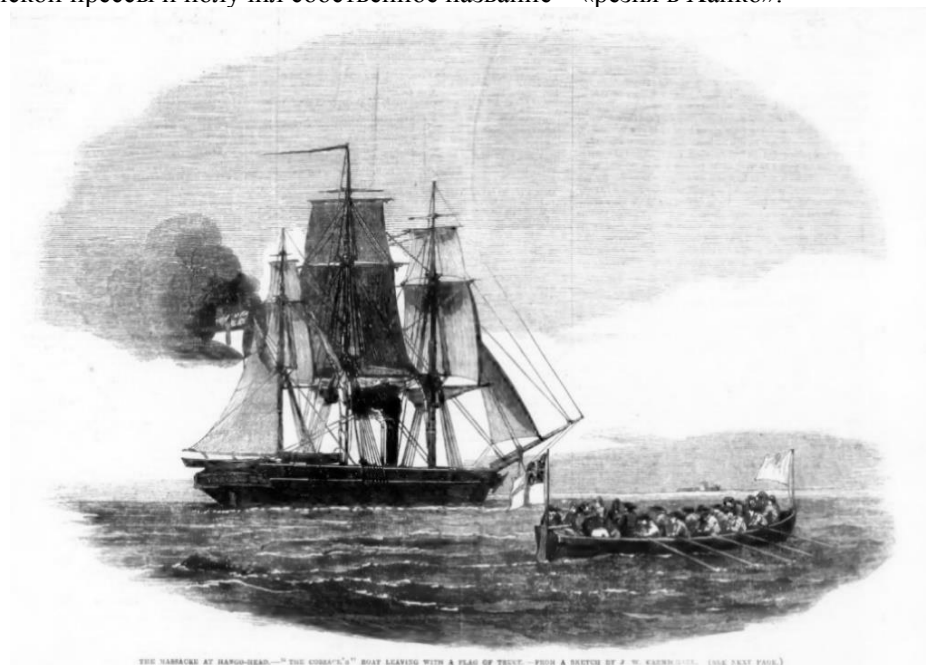
Разумеется, снимки Фентона были постановочными. Это обуславливалось и тем, что технические возможности фотографии той поры не позволяли фиксировать объекты в движении, и тем, что процесс фотографирования воспринимался как аналог живописной или портретной зарисовки. Таким образом, фотограф не столько «ловил» моменты реальности, сколько конструировал образы и сцены. В объективе Фентона английские и французские военные представляли в героическом ореоле. Это соответствовало идеологическим задачам газеты, и, видимо, потому она временами и размещала литографии со снимков Фентона, хотя иллюстративный фонд издания и без того был чрезвычайно богатым: газета получала с театра военных действий материалы от нескольких собственных корреспондентов-художников, среди которых Джозеф Арчер Кроу, Константин Гайс и прославленный баталист Уильям Симпсон [3, с. 9]. Если оценивать общее настроение опубликованных иллюстраций, то это – убежденность в мощи британской армии перед лицом любых испытаний.

«Резня в Ханко»

Впрочем, попытки очернить противника не покидали страниц «The Illustrated...». Пожалуй, наиболее показательная – относится к началу июня 1855 г., и здесь необходим небольшой предварительный комментарий. Хотя наиболее активные боевые действия 1855 г. развернулось в Крыму, военное противостояние продолжалось и на Балтике. Угрожая российскому побережью, британский флот вынуждал Николая I держать здесь

значительное количество войск. Временами англичане решались на небольшие беспокоящие десанты, причиняющие русской армии материальный ущерб: уничтожение фуража, средств связи и проч. Попытка подобного десанта была осуществлена и 5 июня 1855 г. на полуострове Ханко (в рус. традиции – Гангут), что на берегу Финского залива. Охранявший побережье русский отряд вовремя воспрепятствовал набегу: успевшие сойти на берег британцы (11 человек) попали в плен; по пытавшимся уйти в море был открыт огонь, в результате пятеро английских матросов погибли, еще четверо получили ранения [21, с. 53–54].

В самом скором времени Англия сумела превратить этот неудачный десант в информационную провокацию: прозвучало заявление, что английский катер шел к берегу под белым флагом парламентаров, но был расстрелян. То есть Россию обвинили в нарушении обычаев войны. Английская версия событий не выдерживала никакой критики. Достаточно сказать, что на Балтике сторонами конфликта для встреч парламентаров были условлены специальные пункты (и это не Ханко), а кроме того, на десантной лодке англичан русские солдаты не обнаружили белый флаг, но зато нашли немалое количество оружия [21, с. 54]. Однако «информационный шум» оказался сильнее фактов. «Инцидент» обсуждался в английском парламенте, попал на страницы европейской прессы и получил собственное название – «резня в Ханко».

THE 'COSSACK' AT HANGOO HEAD.—THE 'COSSACK'S' BOAT LEAVING WITH A FLAG OF TRUCE.—FROM A SKETCH BY J. W. KENNEDY. (SEE NEXT PAGE.)

***Резня в Ханко, лодка с «Cossack» отплыла с белым флагом. По эскизу Д. У. Кармайкла.
«Лондонские иллюстрированные новости». 23 июня 1855 г.***

И «The Illustrated...» подключились к хору осуждения. Номер от 23 июня 1855 г. открывался иллюстрацией, где собственный корреспондент газеты художник Д. У. Кармайкл изобразил английскую десантную лодку с белым флагом. В редакционной статье запальчиво пересказывалась британская версия событий в Ханко и делались выводы, которые заслуживают быть процитированными:

«Вся история кампании показывает, что цивилизованные нации, обращаясь с получивилизованной нацией как с равной, совершали грубую ошибку. Наполеон знал Россию лучше нашего. “Поскребите кожу с русского, и вы увидите дикаря”, – говорил великий император. У всякого русского показная утонченность, напускная вежливость, фальшивая осанка – всего лишь притворство хитрого “дикаря”. Раздражьте его, напугайте, покажите ему кровь, и вы увидите, как маска цивилизованности спадет. И на переговорах, и на войне Россия была одинаково вероломна...» [48]

Автор текста, видимо, сознавал, что одного «инцидента» для подобных обобщений недостаточно, а потому «напоминал» читателю об иных недавних «преступлениях» русских:

«Нужно ли говорить о подлой резне в Синопе; нужно ли говорить об ужасных сценах в Инкермане, когда русские офицеры крадучись бродили по полю боя, убивая раненых англичан? Русский – дикарь, и с ним следует обращаться как с дикарем» [48].

Упомянутые «факты» примечательны. «Подлая резня в Синопе» – это, конечно, Синопское сражение 30 ноября 1853 г. между русской и турецкой эскадрами. У адмирала П. С. Нахимова было преимущество в артиллерии, однако турки занимали более выгодное тактическое положение, находясь под защитой береговых батарей. То есть русской эскадре пришлось столкнуться с сильным противником, который, тем не менее, был наголову разгромлен. Сам Синоп русские артиллеристы щадили, сосредоточив огонь лишь на береговых укреплениях. Поскольку победа русского флота противоречила политическим интересам Британии, в английской прессе она была интерпретирована как проявление русского варварства в отношении беззащитного противника. «The Times» назвала сражение «Синопской резней» [5, с. 52], и далее этот ярлык стал использоваться другими газетами, в том числе и «The Illustrated London News» [44, р. 319]. Ярлык «резня в Ханко» создавался по шаблону «Синопской резни».

Что до «ужасных сцен в Инкермане», то, безусловно, речь идет об Инкерманском сражении 5 ноября 1854 г. Русские войска атаковали английский лагерь и нанесли неприятелю значительный урон, однако после вступления в бой французов вынуждены были отступить. Поле боя осталось за англо-французами, которые тут же начали сбор раненых, о чем сохранились мемуарные свидетельства [15, с. 41]. Так что русские офицеры попросту не имели возможности там «бродить».

Таким образом, для подтверждения ложных «сведений» об инциденте в Ханко газета использовала отсылки к другим недостоверным «фактам»; образовывалось нагромождение самодовлеющей лжи, убеждающей читателя в жестокости и коварстве русских, что позволяло англичанам освободиться от любых моральных ограничений в отношении противника. Статья завершается той мыслью, что осада «злодейской крепости» Севастополя должна завершиться полным уничтожением его защитников: «последние капли их крови должны затушить огонь последних пожаров» [48].

Приведенных материалов, думается, достаточно, чтобы констатировать: «The Illustrated London News» последовательно использовала тактику очернения противника для поддержания воинственного настроя в британском обществе.

«Иллюстрация» – «всеобщая газета»

Во Франции с 1843 г. существовало издание, которое создавалось по образцу «The Illustrated London News» и даже заглавием напоминало английский прототип, – еженедельная газета «L'Illustration» («Иллюстрация»). Впрочем, французский еженедельник отличался охватом материала. Если британская газета интересовалась прежде всего новостями, связанными с Англией, то «L'Illustration» стремилась заинтересовать читателей информацией обо всех континентах и о самых разных предметах, что и декларировалось подзаголовком издания: «journal universel» (всеобщая газета). Иллюстрированные рассказы об иноземных достопримечательностях и нравах далеких народов, заметно «теснили» политическую повестку, хотя и не исключали ее полностью.

На восточные события «L'Illustration», разумеется, откликалась. В марте 1854 г. газета сообщала, что имеет возможность «публиковать наиболее интересные сцены готовящейся войны», поскольку уполномочила своих корреспондентов присылать иллюстрации «из всех пунктов, где будут разворачиваться события»: из Дунайских княжеств, из Азии, с Черного и Балтийского морей [47]. Впрочем, редакция, констатируя важность событий на Востоке, выражала уверенность, что военный кризис не заставит ее «упустить из виду обычные темы»: «науки, искусства, промышленности и нравственности» [47].

В освещении военных событий газета избрала сдержанно-беспристрастный тон. 11 марта 1854 г. газета перепечатала официальное сообщение о решении Наполеона III объявить войну России [52, р. 146], однако в том же номере разместила вполне нейтральную и информативную иллюстрацию, изображающую российское военное командование на Кавказе (р. 149).

В следующем номере (18 марта 1854 г.) сообщалось о создании Восточной армии, призванной воевать против России, но и здесь мы не встречаем информационных выпадов против России. Вместо того газета разместила картинно-героические изображения двух командующих: французского – Сент-Арно и британского – Раглана, сопроводив иллюстрации биографическими очерками [42; 43].

25 ноября 1854 г., информируя о результатах Инкерманской битвы, газета ограничилась перепечаткой официального донесения о результатах боя, отметив, что в Париже были завышенными ожидания по поводу сражения и парижане оказались близки к мысли, что Севастополь уже взят [53]. В качестве иллюстративного материала в номере были представлены виды Балаклавы, Георгиевского монастыря, Камышовой бухты.

О смерти Николая I «L'Illustration» сообщила 10 марта 1855 г. В отличие от некоторых других изданий (о чем скажем позже) газета не допускает по этому поводу злорадства и соблюдает официально сухой тон. Следующий номер (от 17 марта) открывается вполне уважительным рассказом о новом российском императоре Александре II и его супруге [49].

У «L'Illustration» под осажденным Севастополем был собственный корреспондент – художник-маринист Анри Дюран-Браже. Ему принадлежат многие крымские иллюстрации, опубликованные в газете. Но, наряду с изображениями, А. Дюран-Браже присылал в редакцию и текстовые корреспонденции, сообщавшие о ходе боевых действий. Не обходилось без того, что корреспондент спорил с официальными сведениями российской стороны. Так, например, он настаивал, что донесения А. С. Меншикова о боях под Малаховым курганом кратно завышают потери англо-

французов, и возмущенно задавался риторическим вопросом: «Кого же нам должно жалеть более? Государя, которому адресуют такую ложь, или генерала, который осмеливается ее писать?» [40, р. 164]. В этих словах звучит возмущение, но не оскорбление по адресу противника.

Конечно, миролюбие «L'Illustration» не стоит преувеличивать. Через все «военные» выпуски проводилась мысль о необходимости победы в Крыму и встречались пассажи вроде такого:

«Будем надеяться, наконец, что разрушение Севастополя, которое должно ознаменовать эру свободы на Черном море, однажды обеспечит в этой части Европы воцарение либеральных институтов» [56].

И все же позиция французского издания оставалась несравнимо более сдержанной, нежели агрессивная информационная тактика «Иллюстрированных лондонских новостей». Принципиальную установку «L'Illustration» при подаче военных материалов можно определить так: героизация собственной армии без уничижения противника.

«Шаривари» – газета ежедневной сатиры

Впрочем, в сатирической печати – уже в силу самой ее природы – царили иные правила. По наблюдению Н. П. Танышиной, «в годы Крымской войны считалось хорошим тоном высмеивать Россию, ее историю, политику и государей» [24, с. 255]. Французская юмористическая пресса в этом отношении совершенно соответствовала моде, тем более что французская цензура пресекала критику и иронию в отношении внутриполитических процессов. За неимением «внутренних» тем весь запас сарказма выплескивался на чужие государства [50, р. 34], прежде всего, на Россию. Обратимся к одному из самых известных изданий такого рода – ежедневной французской газете «Le Charivari» («Шаривари»). Здесь публиковались шаржи, карикатуры, пародии и сатирические заметки. Насмешливые публикации о русской армии газета помещала еще до вступления Франции в войну и даже прежде Синопского сражения. Скажем, в октябре 1853 г. журналист «Le Charivari» Клеман Каргюэль саркастично изображал действия русских войск в Кавказской войне и пародировал репортажи о боевых успехах против горцев, помещаемые в российской прессе:

«Нашими солдатами было захвачено болото. К счастью, обнаружилось, что в нем водятся пиявки. Главнокомандующий, всегда пекущийся о благополучии своих солдат, немедленно приказал всей армии прикладывать пиявки. Это стало настоящим праздником. Большинство солдат, сыновей бедных крестьян, знали пиявок только по названию, как ананасы, и никогда не могли себе их позволить. Это блестящее дело было отмечено несколькими подвигами» [35]

Завершал пародию пассаж в духе осмеяния «русского деспотизма»:

«У нас все прекрасно, и туркам лучше поостеречься. Стоит ли говорить, что всякий, кто усомнится в правдивости наших бюллетеней, отведает кнута, а после отправится на сибирские рудники» [35].

Карикатуры были подобного свойства и чаще всего высмеивали неудачи русской армии. Скажем, русские солдаты изображались с головами, повернутыми назад, и эта особенность объяснялась привычкой, выработанной в ходе отступления из Дунайских

княжеств (27 сентября 1854 г.). Или захваченный у России остров Бомарзунд изображался в виде пера, потерянного двуглавым орлом (27 сентября 1854 г.). Крымские события также дали повод для ряда подобных карикатур. Одна из них (от 29 сентября 1854 г.) высмеивала неспособность русских войск воспрепятствовать неприятельскому десанту в Крыму. В подписи к иллюстрации приводился вымышленный диалог французских солдат, будто бы раздосадованных тем, что их никто не встречает на берегу полуострова. Сюжет карикатур мог быть и «оторван» от какого-либо конкретного события. К примеру, 6 февраля 1855 г. газета изображала зуавов, идущих в атаку, «кольнуть штыком русского здоровяка», и такой «сюжет» сохранял актуальность до завершения войны.

Чаще всего персонажем карикатур становился Николай I, которого рисовали в виде садового пугала (30 декабря 1854 г.), Икара, падающего в Черное море (12 февраля 1855 г.), снежного колосса (13 февраля 1855 г.) и во множестве других сатирических обликов. Высмеивался российский император и в текстовых материалах. Скажем, в ноябре 1854 г. на первой полосе была помещена сатирическая статья «Прекрасная особенность императора Николая», излагавшая такую фантазмагоричную историю:

«В Петербурге был француз, который, не имея возможности покинуть город в начале войны, укрылся в заброшенном подвале, куда ему русский друг каждый день передавал пищу. Император, уведомленный о происходящем, приказал выволить французца из подвала и привести его, а также русского, оказавшего ему гостеприимство. Оба дрожали, но император встретил их с величественной и доброй улыбкой:

– Ты, – сказал он к русскому, – получишь сто ударов кнутом за то, что принял врага России; а ты, француз, знай, что хотя я и воюю с твоими соотечественниками, но дарю тебе сундук с подарками; возвращайся в свою Нормандию.

ВЫСАДКА В КРЫМУ. – Приехать в такую даль, а тебя не встречают... Определенно, сержант, у русских нет ни малейшего представления о приличиях. «Шаривари». 29 сентября 1854 г.

– Государь, – сказал тогда русский, – если я виновен, что укрыл у себя врага России, то вы не менее виновны, поскольку отпустили этого же врага; ибо, будучи царем русских, вы, должно быть, самый русский из всех.

– Это справедливо, – сказал Император, – и поэтому я заслуживаю, как и вы, получить сто ударов кнутом?

– Полагаю, что да.

– Что ж, вы получите их вместо меня – в награду за вашу смекалку» [34].

После смерти Николая I «Шаривари» отказалась от сарказма по этому поводу. 5 марта 1855 г. на первой полосе появилась ироничная статья «Размышления о смерти Николая I», но теперь объектом иронии стали соотечественники журналиста, применяющие любое историческое событие к своим коммерческим интересам, и европейские консерваторы, утратившие в лице русского императора значительную поддержку [39].

Последствия смерти Николая I обсуждалась еще в нескольких номерах «Шаривари», обыгрывались высказывания по этому поводу известных людей и светские слухи. 11 марта, сопоставив все циркулирующие сведения о новом российском императоре Александре II, «Шаривари» приходила к выводу, что о нем можно сказать то же, что о его предшественнике:

«<Он> любит жену, своих детей <...>, ценит водевили, но все это не мешает ему быть автократом и заселять Сибирь за счет Польши» [39, 11].

Так тема и была исчерпана, а шутки о новом русском императоре и России можно было сочинять по старым трафаретам.

Видимо, карикатуры на русскую тему пользовались у публики популярностью. Были карикатуристы, выбравшие эту тему в качестве основной для себя. Среди таких наибольшей известностью пользовался Оноре Домье, создавший для редакции «Шаривари» в 1854–1856 гг. около 90 сатирических иллюстраций по событиям Крымской войны [4, с. 80]. Причем редакция «Шаривари» не ограничивалась газетным

– Этот здоровяк русский, кажется, раздражает моего кота. Я собираюсь кольнуть его итыком... Животным следует угрождать.

– Вряд ли казакам это угодно.

– Домашним животным, я имею в виду; а казаки – дикие звери!..

«Шаривари». 6 февраля 1855 г.

форматом и публиковала целые альбомы карикатур на русских. О содержании этих изданий можно судить по их заглавиям: «Шаржи на русских. Альбом из сорока карикатур» [37] или «Казачья для смеха» [46]. Чудовищные образы казаков в этих карикатурах были отзвуком страхов, испытанных французами перед вступлением русских войск во Францию еще в эпоху Наполеона I [50, с. 36].

Порою юмор в отношении русских оказывался на грани моральных ограничений. Так, 24 декабря 1854 г. Клеман Каргюэль, который «специализировался» в «Шаривари» на пародировании российских официальных бюллетеней, поместил очередной материал, где в юмористическом тоне изображал подвиги русских военных, осуществлявших вылазки из Севастополя. Но, среди прочего, в текст попал эпизод и о «гражданских»:

«Севастопольский буржуа, производитель клистирных насосов, чье скромное ремесло не мешает ему обладать героическим сердцем, уже давно прославился подвигами, неслыханными среди людей его профессии. Сделав из утвари своей мастерской, которую он не продавал с начала войны, пушку, он всякое утро устанавливает ее на первой стене ограды и оттуда открывает грозный огонь по союзным войскам, уничтожая каждым залпом целые шеренги. С наступлением ночи он берет пушку и тихо возвращается домой под аплодисменты всего населения» [36].

Автор заявлял, что приведенный текст – пародия на официальные реликвии, помещенные в «Русском инвалиде», то есть сатира метила в российскую прессу, а не в гражданское население осажденного Севастополя. Но фактически любой предмет, пускай даже попутно, вовлеченный в описание юмористической ситуации, хотя бы отчасти утрачивает для воспринимающего сознания свою серьезность или сакральность. Понятно, что Каргюэль не мог знать о реальном положении дел в осажденном городе. Он не мог представить себе Севастополь в декабре месяце, как сегодня представляем его мы, скажем, по одному из рассказов Л. Н. Толстого. Ясно и то, что пародист-француз имел основания видеть в российских официальных сообщениях о севастопольской жизни преувеличения. Но он, конечно, не мог не сознавать, что существование любого города под постоянным артиллерийским огнем превращается в постоянную трагедию для его жителей, а насмешка, даже косвенная, над трагедией всегда будет наталкиваться на моральные преграды.

«Панч» и «свобода» от моральных запретов

Впрочем, приведенный пассаж из пародии Каргюэля на общем фоне публикаций «Шаривари» выглядит как отдельный «перегиб», авторская оплошность. Иначе обстояло дело в «родственном» британском издании «Punch» («Панч»). Этот еженедельный сатирический журнал основан в 1841 г. и ориентировался на французскую газету «Шаривари». Поначалу он даже именовался «Лондонским Шаривари», однако впоследствии издатели приблизили его название к британской почве. Панч – персонаж народного кукольного театра, напоминающий русского Петрушку. Полным названием журнала стало «Punch, or The London Charivari» («Панч, или Лондонский Шаривари»).

«Панч» отличался жанровой пестротой. Текстовые материалы могли представлять собой объемные сатирические статьи, а могли – лаконичные анекдоты или даже афоризмы, могли иметь и прозаическую, и стихотворную форму. Россия попадала под удар всех форматов. Уже в феврале 1854 г. «Панч» сообщил, что «бойня, окрасившая синопские волны, задумана, дабы превратить Черное море в русское озеро» [61], а заодно заявил, что следовало бы «снести Севастополь и взять штурмом Одессу» [41].

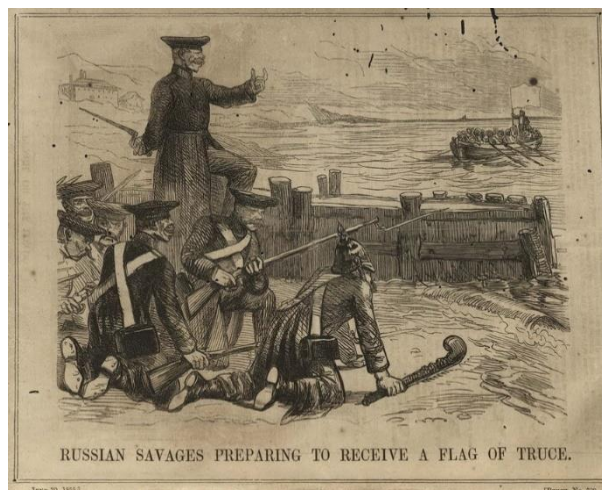

Непобедимые русские медведжата Николай и Михаил. «Панч». 25 ноября 1854 г.

художественное мастерство, а во-вторых – именно высмеивание, а не прямое оскорбление. Что касается английского «Панча», то и здесь встречались пародийные тексты. Например, после Альминской битвы журнал имитировал донесения русского главнокомандующего, который объяснял поражение своих войск неким заранее продуманным планом заманивания противника вглубь территорий [57]. Но чаще всего журнал не утруждал себя подобными творческими изысками и не стремился к изяществу шуток. Пожалуй, наиболее излюбленной формой пропаганды служили многочисленные стихотворения. По подсчетам исследователя О. Г. Сидоровой, за время Крымской войны «Панч» опубликовал 214

Карикатуры «Панча» отзывались на все значительные события Крымской кампании и предсказуемо обыгрывали уничижительные национальные метафоры [22, с. 265]. Скажем, на иллюстрации, изображающей Инкерманскую битву, британские солдаты гонят штыками отступающих русских солдат и двух медвежат, под «обликом» которых художник подразумевал царевичей Николая и Михаила. Как известно, великие князья присутствовали при этом сражении. Не обошел вниманием «Панч» и пресловутую «резню в Ханко», изобразив «русских дикарей», притаившихся в засаде, чтобы напасть на лодку, идущую под белым флагом.

Говоря о текстовых материалах, следует отметить одно существенное отличие «Панча» от «Шаривари». Во французском издании сатира была основана на значительной доле юмора, что определяло жанровую специфику газеты: скажем, превалирование пародий, подразумевающих, во-первых, определенное остроумие и

Русские дикари готовятся встретить белый флаг. «Панч». 30 июня 1855 г.

стихотворений [23, с. 107], так или иначе направленных против России. Большинство из них создавалось в стиле «уличной поэзии», подразумевало примитивный «площадной юмор» либо попросту проклятия по адресу «гнусных казаков» [62] и Николая I, «монарха казаков и татар» [60].

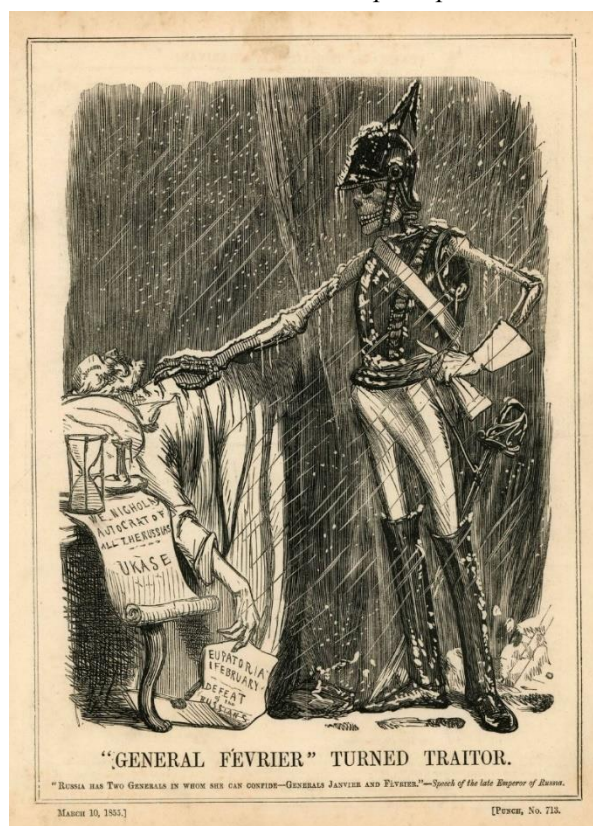
В прозаических текстах также сатира зачастую превращалась в поток гневных восклицаний, игнорируя общепринятые нравственные ограничения. Речь, скажем, об отношении к погибшему противнику. Элементарные правила морали и приличий не позволяют в подобных случаях выражать злорадство, однако эти правила явно не поддерживались редакцией «Панча». По поводу гибели адмирала В. А. Корнилова журнал выдал такую тираду:

«Где я буду через двенадцать месяцев? – полезная мысль для всякого из нас. Она могла приходиться в голову адмиралу Корнилову год назад, когда он отрабатывал в Синопе на своего господина, за что теперь расплачивается, лежа в Севастополе. Приходит ли эта мысль в голову Николаю? Думает ли этот злобный старик, что по прошествии определенного количества секунд, нескольких или многих, его императорская особа превратится в кучу падали или мумию? Тогда, невзирая на все кровопролитие и страдания, которые он причинил человечеству, насколько ему станет лучше? Насколько хуже? Задается ли таким вопросом упрямый старый дикарь в редкие перерывы в своей обычной свирепости?» [58]

Предсказуемо, что на смерть Николая I «Панч» также отреагировал не без злой иронии. Журнал разместил карикатуру, изображавшую умершего самодержца.

Иллюстрацию сопровождала подпись «Генерал Февраль оказался предателем», отсылавшая к высказыванию Николая I «У России есть два генерала, которым можно доверять, – Январь и Февраль».

Вообще говоря, пропаганда «Панча» мало опиралась на фактические данные и явно избегала аналитического подхода. В значительно большем ходу было создание ярких негативных образов, которые в читательском сознании превращали бы Россию в «агрессора» на уровне эмоционального восприятия. Вот, скажем, образ русского двуглавого орла:

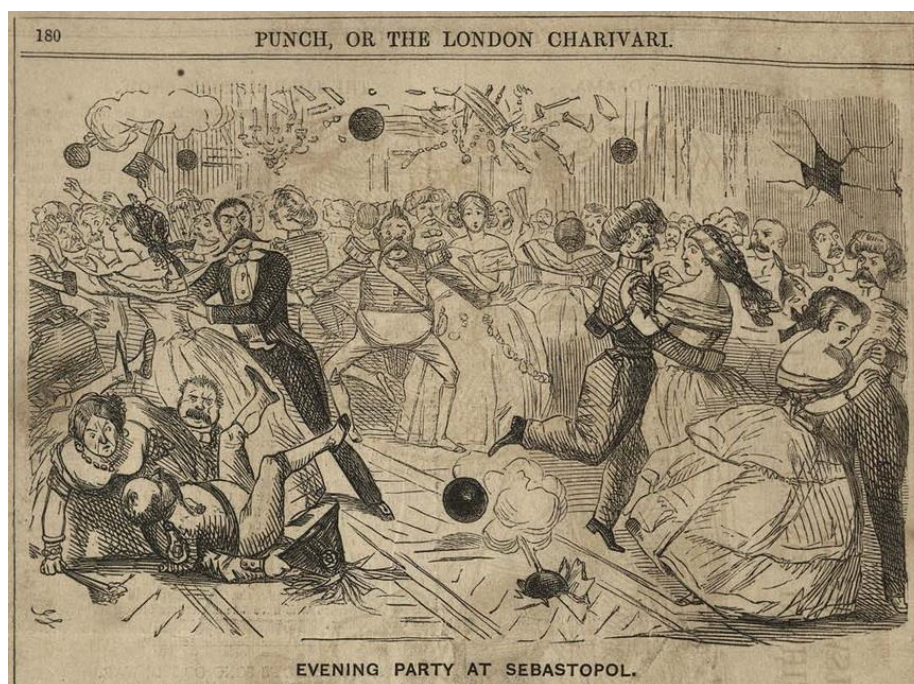
«ГЕНЕРАЛ ФЕВРАЛЬ» ОКАЗАЛСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ. «У России есть два генерала, которым можно доверять, – генералы Январь и Февраль», – из речи покойного российского императора. «Панч». 10 марта 1855 г.

«Русского орла можно описать как небывалое существо, сочетающее в себе прожорливость стервятника, озлобленность сороки и вороватость ворона. Его орлиное происхождение проявляется главным образом в длине когтей, которыми он жадно хватает все, что попадет» [64].

Или такой вот «результат» геополитических наблюдений «Панча»:

«Россия, поистине, удав, огромный удав <...>, наслаждающийся предполагаемой особенностью амфисбены, или змеи с двумя головами, по одной на каждом конце. У русской амфисбены верхняя голова находится в Балтийском море, нижняя – в Черном, а тело полукругом охватывает Европу таким образом, что северная и южная пасти разверзлись, чтобы ее заглотить. Однако обе змеиные головы значительно повреждены, и мы не можем не выразить надежду, что обе будут раздавлены <...>» [54].

Подобная демонизация России «освобождала» журналистов и читателей от всякой жалости к русским, оправданной хотя бы религиозными соображениями. «Горчаков говорит о “Святой Руси”, – писал «Панч» в июле 1855 г. – Будем надеяться, что винтовки союзников сделают русских дикарей скорее святыми, чем праведными» [51]. Журнал чувствовал себя свободным от всех нравственных ограничений. Только этим можно объяснить сарказм в отношении артиллерийских ударов, под которыми оказывались мирные жители Севастополя. 4 ноября 1854 г. «Панч» разместил карикатуру «Вечеринка в Севастополе»: ядра союзников врываются в бальную залу, и участники «вечеринки» приходят от этого в ужас, видимо, в представлении «Панча», приобретая при этом смешной вид.

Вечеринка в Севастополе. «Панч». 4 ноября 1854 г.

Впрочем, степень цинизма, до которого доходили публикации «Панча», красноречивее всего передает редакционная статья «Мирное предложение», опубликованная 9 июня 1855 г. Текст настолько показателен, что не нуждается в анализе:

«Джентльмены, война уже обошлась нам, полагаю, в 80 000 000 фунтов стерлингов. Русские потеряли 247 000 человек. Итак, 247 000 человек за 80 000 000 фунтов стерлингов – это 323 фунта стерлингов 17 шиллингов 8 пенсов. Мы убили всех этих русских по ставке 323 фунта стерлингов 17 шиллингов 8 пенсов за человека. Это ужасно! Я имею ввиду расточительность. <...> Двести сорок семь тысяч человек, служивших орудием кровожадного варвара для покорения Европы и Азии, были раздавлены; и я могу лишь сказать, что, поскольку их уничтожение причинило нам восемьдесят миллионов убытка, я сожалею, что мы не уничтожили больше. Избавиться от одного дикаря-калмыка или казака – 323 фунта 17 шиллингов 8 пенсов! – все эти деньги за жизнь одного свирепого раба; когда десятая часть этих денег могла бы сделать счастливыми столько мирных английских рабочих с их жёнами и семьями! Это все равно, что уничтожить крыс, блох или клопов способом, который избавит вас только от 247 000 паразитов и всё еще оставит их целые мириады <...>... И я спрашиваю, если бы шесть месяцев назад можно было поднять ночью воздушный шар над Севастополем и сбросить туда огромный тюк пироксилина или бочку хлорида азота, и таким образом разнести его вместе со всем его гарнизоном на атомы, разве нынешнее положение дел не улучшилось бы не только для нас, но и для самих наших русских врагов?» [55].

Последние фразы, безусловно, заставляют сегодня задуматься о том, в какую именно эпоху англо-саксонский мир проникся мечтой об оружии массового уничтожения, и о том, какая судьба готовилась России на случай обретения Западом этого оружия. Но сейчас о другом. Цитированная статья публиковалась в июне 1855 г., когда севастопольская осада носила чрезвычайно ожесточенный характер, сопровождалась высокими потерями. Насколько уровень ожесточения на поле боя коррелируется с уровнем ожесточения публикаций «Панча»? Просматривая последующие номера, приходим к выводу, что прямой корреляции нет. Когда в начале сентября 1855 г. англо-французы захватили Южную сторону города, вооруженное противостояние стало носить вялотекущий характер. Было понятно, что ситуация зашла в клинч и пора готовить мирное соглашение. Однако «Панч» при любом случае, даже тогда, когда речь шла о вещах, бесконечно далеких от России и Крыма, продолжал нагнетать антироссийские настроения. В октябре 1855 г. на страницах журнала публиковалась статья о тяжелом положении женщин в лондонских трущобах. И, как бы странно это ни выглядело, начиналась она с такого пассажа:

«Если глянуть на мир, то нелегко найти вид дикарей отвратительнее русских; негодяев, которые стреляют по своим товарищам, если это дает шанс застрелить и врагов; мерзавцев, которые закалывают штыками раненого и беспомощного неприятеля; демонов, что поджигают логово, откуда их изгоняют, и оставляют своих несчастных больных и раненых гореть заживо среди руин. Подданные короля Дагомеи или государя, управляющего прожаркой на островах каннибалов, могут быть немного более отвратительными по своим обычаям, но по своим поступкам они ничуть не большие варвары, чем рабы московитского царя» [67].

Маховик антироссийской пропаганды в Англии был раскручен настолько мощно, что инерция его движения превозмогала не только моральные стопоры, но и соображения военной целесообразности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Легко заметить, что английская антироссийская пропаганда эпохи Крымской войны имела более ожесточенный и циничный характер, нежели французская. Объяснялось это сразу несколькими факторами. Первый из них – неудачи английской армии в Крыму. С самого начала кампании английские войска продемонстрировали, что сильно уступают своим союзникам французам. Неумелое командование и плохое снабжение заставляли англичан нести высокие боевые и небоевые потери, что поддерживало в обществе антивоенные настроения. Демонизация России позволяла пропаганде противостоять этим настроениям.

Еще важнее, что война против России, по большому счету, явилась для английского обывателя неожиданностью. Конкуренция между Россией и Британией на Востоке существовала давно, но обычно «острые углы» удавалось сглаживать, не доводя противоречия до серьезных конфликтов [16, с. 130]. Вообще говоря, английское общество привыкло к тому, что в отношении России пропаганда имела характер своеобразных «качелей»: в зависимости от политической ситуации России приписывали роль то «врага у ворот», то – «прилежного ученика Европы» [32, 60]. Кроме того, точно таким же конкурентом для Британии в Восточном вопросе была Франция, причем порою английским дипломатам удавалось легче найти общий язык с Николаем I, нежели с французами. Конечно, было фундаментальное основание для англо-французского сближения – это ослабление Венской системы [16, с. 130]. Но если уж Николай I не сумел верно просчитать эти «тектонические» подвижки, то для английского обывателя они и вовсе были за горизонтом интересов и понимания. Крымская война явилась для Англии результатом сиюминутной геополитической комбинации, позволявшей ослабить наиболее мощного конкурента в Восточном вопросе. Столь утилитарная причина войны вряд ли могла воодушевить британское общество, и потому пропаганде требовалось творить из России и русских образ почти инфернального врага, угрожающего британским ценностям.

Важное значение имело и то, что некоторая часть британской буржуазии не признавала «целесообразной для своих интересов вооруженную борьбу против России» [27, с. 376]. Существование «партии мира» обусловило еще больший накал военной (а стало быть, антироссийской) пропаганды. Все перечисленное и определяло общий тон английской прессы: публику готовили к войне «аврально», а потому прибегали к публикациям, повергающим в шок и ярость перед лицом «русской угрозы». По словам профессора А. А. Орлова, «для расчеловечивания врага были задействованы возможности всех средств массовой информации»: «газет, журналов, публицистики, мемуаров, травелогов, карикатур, художественной литературы и т. д.» [17, с. 286].

Во Франции ситуация была иной. Французская армия, состоявшая в значительной степени из опытных колониальных подразделений, начиная с Альминской битвы продемонстрировала высокую эффективность, что избавляло от необходимости «уничтожать» врага на страницах прессы. Но главное, что французское общество готовилось к войне против России несколько десятилетий. После падения Наполеона I в стране укреплялось и желание внешнеполитического реванша, и стремление к либерализации внутренней политики. Тому и другому препятствовало существование Священного союза, ставившего во главу угла сохранение незыблемости сложившегося порядка вещей. Россия являлась наиболее сильным членом этого Союза, а потому и воспринималась в качестве основного потенциального противника. С начала 1830-х гг.

с парламентской трибуны в Париже звучали призывы к войне против «варварских орд России» [29, с. 12], а пресса всех направлений рисовала Россию как врага Франции и в целом цивилизации. Именно в тот период появляется термин «русophobia» [25, с. 35], определяющий основанную на негативных мифах и расплывшуюся по Европе почти рефлекторную ненависть к России. К началу Крымской войны сформировалось целое поколение французов, воспринимавших Россию как экзистенциальную угрозу. Так что, по наблюдению Е. В. Тарле, при объявлении войны «Наполеон III <...> встретился с единодушной поддержкой самых разнообразных общественных классов и политических партий, – от старого дворянства до рабочих, от клерикалов до социалистов» [26, с. 15]. В условиях такого единодушия для французов героизация собственной армии была гораздо актуальнее грубых информационных выпадов в отношении России.

И все же принципиальная схема антироссийской пропаганды для Англии и Франции была общей. С одной стороны, в сознание публики внедрялся страх перед «русской угрозой», с другой – эта же угроза подвергалась осмеянию. Такое комбинирование, на первый взгляд, взаимоисключающих подходов к освещению одного и того же предмета не являлось изобретением эпохи Крымской войны.

Еще в эпоху Екатерины II в Европе сформировалось амбивалентное представление о России: в ее геополитических успехах видели серьезную угрозу миропорядку и, одновременно, муссировали тему «иллюзорности» российского потенциала. Казалось бы, обреченные аннигилироваться в соединении друг с другом, представления о «силе» и «слабости» России даже не боролись между собой, а одновременно уживались в европейском коллективном сознании на протяжении целых эпох. Чрезвычайно показательным этот феномен выражен в известном Кюстиновском «путешествии», где Россия представлена и главной угрозой для Европы, и бессильным «колоссом», потому мы и предложили в свое время называть такое «расщепление» образа «комплексом маркиза де Кюстина» [14]. Этот комплекс являлся (и до сих пор является) важнейшим инструментом управления европейским общественным мнением. Преобладание в информационном поле мифологемы «сила России» ведет к осознанию опасности со стороны России, тогда как преобладание мифологемы «слабость России» рождает в коллективном мышлении идею о возможности нейтрализации России как потенциальной угрозы. Россия в любом случае видится в роли врага, но, усиливая звучание одной или другой мифологемы, политические силы Запада имеют возможность программировать настроение публики: либо на вынужденное сосуществование с этим «врагом», либо – на его силовое подавление.

Подобному принципу была подчинена антироссийская пропаганда эпохи Крымской войны. Аудитории внушался страх перед угрозой со стороны России, и это служило обоснованием и оправданием военных действий. Одновременно происходило осмеяние России, принижение ее возможностей, и это убеждало обывателя в легкой и скорой победе над противником.

Список литературы

1. Айзенштат М. П., Турлыгин А. А. Историческое знание во взаимных представлениях британских и российских либералов конца XVIII–XIX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. – № 1 (86). – С. 7–11.
2. Айрапетов О. Р. 15 из 1000 (Небоевые потери русской армии) // Родина. – 1995. – № 3–4. – С. 114–115.
3. Алентьева Т. В. Английский взгляд на Крымскую войну // Научный вестник Крыма. – 2024. – № 4 (50). – С. 1–18.

4. *Беляева А. М.* Неизвестные ранее состояния литографий Оноре Домье в собрании Государственного Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. LXXVIII. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2020. – С. 78–100.
5. *Бобков М. Ю.* Освещение Крымской войны в газете «The Times» (ноябрь–декабрь 1853 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 10. – С. 45–53. – DOI 10.28995/2686-7249-2023-10-45-53.
6. *Гете И. В.* Из моей жизни. Поэзия и правда. – М.: Худож. лит., 1969. – 606 с.
7. *Гюббенет А. Я., Гюббенет О. Я.* Профессор хирургии Х. Я. Гюббенет и его воспоминания об обороне Севастополя 1854–1855 гг. // Русская старина. – 1889. – Т. LXI. – Кн. I. – С. 75–99.
8. *Ильичев А. В.* Нарратив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70728
9. *Красавченко Т. Н.* Сюжет о Крымской войне (1853–1856) в британской культуре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 62–77. DOI: 10.31249/lit/2021.02.05
10. *Краснопольская В.* История Крымской войны – это учебник, по которому нужно учиться реагировать на сегодняшние информационные вызовы // Крымские известия. 10.09.2025. Режим доступа: <https://new.crimiz.ru/rubriki/90-predsedatel-gossoveta/25454-istoriya-krymskoj-vojny-eto-uchebnik-po-kotoromu-nuzhno-uchitsya-reagirovat-na-segodnyashnie-informatsionnye-vyzovy> (Дата обращения: 23.10.2025).
11. *Мельников В. А., Шаринова Д. Н.* Крымская кампания 1853–1856 гг. – первая информационная война в истории противостояния мировых держав // Журналист. Социальные коммуникации. – 2017. – № 3 (27). – С. 125–134.
12. *Мигаль А. С.* Османская империя глазами английских путешественников XVIII века // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2019. – Вып. 18. – С. 18–30.
13. *Некрасова М. Ю., Барская О. В.* Репрезентация образа противника в британском газетном дискурсе Крымской войны // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1(98). – С. 292–295.
14. *Орехов В. В.* «Русский миф» и «комплекс маркиза де Кюстина». Часть II: «Северный колосс» в контексте информационной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 33–56.
15. *Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В.* Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2010. – 480 с.
16. *Орлов А. А.* «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.): монография. – Москва: МПГУ, 2019. – 304 с.
17. *Орлов А. А.* Британская пророссийская публицистика эпохи Крымской войны (на примере брошюры «Крест против Луны», 1854) // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 2-2. – С. 285–299.
18. Переписка Екатерины Великой с господином Волтером. В: 2-х кн. – М., 1803. – Кн. 1–2.
19. *Прутков Г. В.* История зарубежной журналистики. 1800–1929. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 416 с.
20. *Прутков Г. В.* Французская и британская пресса о Крымской войне (1854–1856 гг.): у истоков информационных войн // I Черноморская науч.-практ. конференция МГУ «Проблемы безопасности в современном мире», 26–28 мая 2016 г.: Тез. докладов. – Севастополь: Изд-во филиала МГУ в г. Севастополе, 2016. – С. 31–32.
21. *Рычков С. Ю.* «Побудить все европейские дворы к тому, чтобы они... вынесли России международный приговор»: английская провокация на мысе Ханко в период Крымской войны // Военно-исторический журнал. – 2022. – № 5. – С. 50–55.
22. *Сергеев В. В.* Политика Великобритании накануне и во время Крымской войны в исторической публицистике П. А. Чихачева // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 1(45). – С. 259–270.
23. *Сидорова О. Г.* Изображение Крымской войны в английской литературе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (130). – С. 106–113.
24. *Таньшина Н. П.* На идеологическом фронте Крымской войны: образ России во французской литературе и публицистике // Французский ежегодник. – 2023. – Т. 56. – С. 248–274.
25. *Таньшина Н. П.* Русофобия: История изобретения страха. – М.: Концептуал, 2023. – 496 с.

26. *Тарле Е. В.* Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Былое. Петербург, 1906. – № 9. – С. 12–42; № 10. – С. 125–159.
27. *Тарле Е. В.* Собр. соч.: В 12-ти т. Т. 8. – М.: АН СССР, 1959. – 560 с.
28. *Франк С.* Видимая и невидимая война в Крыму (Начало медийной эпохи и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого) // Крымский текст в русской культуре: Мат-лы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.). – СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2008. – С. 126–145.
29. *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». – Прага, 1929. – 144 с.
30. *Храпунов Н. И.* Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4. – С. 141–153.
31. *Храпунов Н. И.* Россия в Крыму – цивилизатор или угнетатель? Образы имперской власти в полемике травелогов конца XVIII – первой половины XIX в. // Historia provinciae – журнал региональной истории. – 2023. – Т. 7. – № 1. – С. 190–237.
32. *Храпунов Н. И.* Формирование образа Крыма в английской литературе путешествий конца XVIII – начала XIX в.: Дис. ... докт. ист. наук: 5.6.2. – Симферополь, 2023. – 507 с.
33. Alleged Capture of Sebastopol // The Illustrated London News. – 1854. – 7 October. – № 706. – P. 334.
34. *Caraguel C.* Beau trait de l'empereur Nicolas // Le Charivari. – 1854. – 30 Novembre. – P. 1.
35. *Caraguel C.* Les bulletins du Caucase // Le Charivari. – 1853. – 22 Octobre. – № 295. – P. 2.
36. *Caraguel C.* Les cornettes reparaissent // Le Charivari. – 1854. – 24 December. – P. 1.
37. Chargeons les Russes. Album de quarante caricatures. – Paris: Charivari, [1854]. – 40 p.
38. *Delord T.* Considération sur la mort de Nicolas 1er. Datées de la place de la bourse // Le Charivari. – 1855. – 5 mars. – P. 1.
39. *Delord T.* Les portraits de nouveau tzar // Le Charivari. – 1855. – 11 mars. – P. 1
40. *Durand-Brager H.* Combat d'Eupatoria et de la tour Malakoff // L'Illustration. – 1855. – 17 Mars. – № 629. – Pp. 163–164.
41. Enthusiasm in Effigy // Punch. – 1854. – 11 February. – № 655. – P. 49.
42. *Féré.* Le maréchal Le Roy de Saint-Arnaud, général en chef de l'armée d'Orient // L'Illustration. – 1854. – 18 Mars. – № 577. – Pp. 168–169.
43. *Féré.* Lord Raglan, commandant en chef de l'armée anglaise en Orient // L'Illustration. – 1854. – 18 Mars. – № 577. – P. 169.
44. Historical Summary of the Russian War: from its Commencement to the Present Time // The Illustrated London News. – 1854. – 11 September. – № 705. – Pp. 317–330.
45. Killed and Wounded in the Battle of Alma // The Illustrated London News. – 1854. – 7 October. – № 706. – P. 334.
46. Les Cosaques pour rire. – Paris: Charivari, 1854. – 37 p.
47. L'Illustration est en mesure... // L'Illustration. – 1854. – 11 Mars. – № 576. – P. 147.
48. London, Saturday, June 23, 1855 // The Illustrated London News. – 1855. – 23 June. – № 749. – P. 638.
49. *Marchal de Lunéville Ch.* L'empereur Alexandre II et l'impératrice de Russie // L'Illustration. – 1855. – 17 Mars. – № 629. – Pp. 161–162.
50. *Melot M.* La Guerre de Crimée et les heures sombres de Daumier (1856–1859) // Новое искусствознание. – 2021. – № 2. – Pp. 31–37.
51. Muscovite Holiness // Punch. – 1855. – 28 July. – P. 39.
52. *Paulan.* Histoire de la semaine // L'Illustration. – 1854. – 11 Mars. – № 576. – Pp. 146–147.
53. *Paulan.* Histoire de la semaine // L'Illustration. – 1854. – 25 Novembre. – № 613. – P. 353.
54. Pity for the foe // Punch. – 1855. – 25 August. – P. 80.
55. *Punch.* A Proposal to the Peace Society // Punch. – 1855. – 9 June. – № 726. – P. 219.
56. *Rosier L.* Fantaisie par Marc // L'Illustration. – 1855. – 6 Janvier. – № 619. – P. 2.
57. Russian View of Alma // Punch. – 1854. 14 October. – № 692. – P. 143.
58. Sinope Remembered // Punch. – 1854. – 4 November. – № 695. – P. 178.
59. The Bane and the Antidote // The Illustrated London News. – 1854. – 16 December. – № 717. – P. 626.
60. The Cross and the Sword // Punch. 1855. – 27 January. – № 707. – P. 33.
61. The Czar's Water Colour // Punch. 1854. – 11 February. – № 655. – P. 48.
62. The Laureate's View of War // Punch. – 1855. – 18 August. – P. 69.
63. The Illustrated London News // Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/The_Illustrated_London_News (Дата обращения: 23.10.2025).

64. The Russian Eagle // Punch. – 1855. – 6 January. – № 704. – P. 3.
65. The Victory in the Crimea // The Illustrated London News. – 1854. – 7 October. – № 706. – Pp. 333–334.
66. The War against the Barbarians // The Illustrated London News. – 1854. – 11 February. – № 668. – Pp. 117–118.
67. The Women's Friend Society // Punch. – 1855. – 6 October. – P. 135.

References

1. Ajzenshtat M. P., Turlygin A. A. *Istoricheskoe znanie vo vzaimnyh predstavleniyah britanskikh i rossijskikh liberalov konca XVIII–XIX v.* [Historical knowledge in mutual perceptions of British and Russian liberals of the late 18th–19th centuries]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 1 (86), p. 7–11.
2. Ajrapetov O. R. *15 iz 1000 (Neboevye poteri russkoj armii)* [15 out of 1000 (Non-combat losses of the Russian army)]. *Rodina*, 1995, no. 3–4, p. 114–115.
3. Alent'eva T. V. *Anglijskij vzglyad na Krymskuyu vojnu* [The English view of the Crimean War]. *Nauchnyj vestnik Kryma*, 2024, no. 4 (50), p. 1–18.
4. Belyaeva A. M. *Neizvestnye ranee sostoyaniya litografij Onore Dom'e v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Previously unknown states of lithographs by Honore Daumier in the collection of the State Hermitage Museum]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. T. LXXVIII*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2020, p. 78–100.
5. Bobkov M. Yu. *Osveshchenie Krymskoj vojny v gazete «The Times» (noyabr'dekabr' 1853 g.)* [Coverage of the Crimean War in the newspaper “The Times” (November–December 1853)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2023, no. 10, p. 45–53.
6. Gete I. V. *Iz moej zhizni. Poeziya i Pravda* [From my life. Poetry and truth]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1969. 606 p.
7. Gyubbenet A. Ya., Gyubbenet O. Ya. *Professor hirurgii H. Ya. Gyubbenet i ego vospominaniya ob oborone Sevastopolya 1854–1855 gg.* [Professor of surgery H. Ya. Gyubbenet and his memories of the defense of Sevastopol in 1854–1855]. *Russkaya starina*, 1889, vol. LXI, no. I, p. 75–99.
8. Il'ichev A. V. *Narrativ vostochnogo despotizma vo vneshnej politike Francii pervoj poloviny XIX v.: svyazi i analogii s sovremennost'yu* [The narrative of oriental despotism in the foreign policy of France in the first half of the 19th century: connections and analogies with modernity]. *Konfliktologiya / nota bene*, 2024, no. 2, p. 41–59.
9. Krasavchenko T. N. *Syuzhet o Krymskoj vojne (1853–1856) v britanskoj kul'ture* [The plot of the Crimean War (1853–1856) in British culture]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie*, 2021, no. 2, p. 62–77.
10. Krasnopol'skaya V. *Istoriya Krymskoj vojny – eto uchebnik, po kotoromu nuzhno učit'sya reagirovat' na segodnyashnie informacionnye vyzovy* [The History of the Crimean War is a textbook for learning how to respond to today's information challenges]. *Krymskie izvestiya*. 10.09.2025. Available from: <https://new.crimiz.ru/rubriki/90-predsedatel-gossoveta/25454-istoriya-krymskoj-vojny-eto-uchebnik-po-kotoromu-nuzhno-uchitsya-reagirovat-na-segodnyashnie-informatsionnye-vyzovy> (accessed 23.10.2025).
11. Mel'nikov V. A., Sharipova D. N. *Krymskaya kampaniya 1853–1856 gg. – pervaya informacionnaya vojna v istorii protivostoyaniya mirovyh derzhav* [The Crimean campaign of 1853–1856 – the first information war in the history of the confrontation of world powers]. *Zhurnalist. Social'nye kommunikacii*, 2017, no. 3 (27), p. 125–134.
12. Migal' A. S. *Osmanskaya imperiya glazami anglijskikh puteshestvennikov XVIII veka* [The Ottoman Empire through the eyes of English travelers of the 18th century]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr.* Vyp. 18. Saratov: Sarat. gos. un-t Publ., 2019, p. 18–30.
13. Nekrasova M. Yu., Barskaya O. V. *Reprezentaciya obraza protivnika v britanskom gazetnom diskurse Krymskoj vojny* [Representation of the image of the enemy in the British newspaper discourse of the Crimean War]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2023, no. 1(98), p. 292–295.
14. Orekhov V. V. *«Russkij mif» i «kompleks markiza de Kyustina». Chast' II: «Severnyj koloss» v kontekste informacionnoj vojny* [“The Russian Myth” and the “Marquis de Custine Complex”. Part II: “The Northern Colossus” in the Context of the Information War]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8, no. 2, p. 33–56.
15. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervyh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the eyes of contemporaries: literature, archives, press]. Simferopol, OAO «SGT» Publ., 2010. 480 p.

16. Orlov A. A. *«Astrein vek». Velikobritaniya, Rossiya i problema novogo mirovogo poryadka v evropejskoj politike pervoj poloviny XIX veka (1815–1854 gg.): monografiya* [“The Age of Astreya.” Great Britain, Russia and the Problem of the New World Order in European Politics of the First Half of the 19th Century (1815–1854): Monograph]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2019. 304 p.
17. Orlov A. A. *Britanskaya prorossiyskaya publicistika epohi Krymskoj vojny (na primere broshyury «Krest protiv Luny», 1854)* [British pro-Russian journalism of the Crimean War era (based on the brochure “The Cross Against the Moon”, 1854)]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2023, № 2-2, p. 285–299.
18. *Perepiska Ekateriny Velikoj s gospodinom Volterom. V: 2-h kn.* [Correspondence of Catherine the Great with Mr. Walter. In: 2 books]. Moscow, 1803, vol. 1–2.
19. Prutckov G. V. *Istoriya zarubezhnoj zhurnalistiki. 1800–1929* [History of Foreign Journalism: 1800–1929]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 416 p.
20. Prutckov G. V. *Francuzskaya i britanskaya pressa o Krymskoj vojne (1854–1856 gg.): u istokov informacionnyh vojn* [French and British press on the Crimean War (1854–1856): at the origins of information wars]. *I Chernomorskaya nauch.-prakt. konferenciya MGU «Problemy bezopasnosti v sovremennom mire»: Tez. dokladov*. Sevastopol, Filial MGU v g. Sevastopole Publ., 2016, p. 31–32.
21. Rychkov S. Yu. *«Pobudit' vse evropejskie dvory k tomu, chtoby oni... vynesli Rossii mezhdunarodnyj prigovor»: anglijskaya provokaciya na myse Hanko v period Krymskoj vojny* [“To induce all European courts to... pass an international sentence on Russia”: the English provocation at Cape Hanko during the Crimean War]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2022, no. 5, p. 50–55.
22. Sergeev V. V. *Politika Velikobritanii nakanune i vo vremya Krymskoj vojny v istoricheskoy publicistike P. A. Chikhacheva* [British policy on the eve and during the Crimean War in the historical journalism of P. A. Chikhachev]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 1(45), p. 259–270.
23. Sidorova O. G. *Izobrazhenie Krymskoj vojny v anglijskoj literature* [Portrayal of the Crimean War in English Literature]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 3 (130), p. 106–113.
24. Tan'shina N. P. *Na ideologicheskom fronte Krymskoj vojny: obraz Rossii vo francuzskoj literature i publicistike* [On the ideological front of the Crimean War: the image of Russia in French literature and journalism]. *Francuzskij ezhegodnik*, 2023, vol. 56, p. 248–274.
25. Tan'shina N. P. *Rusofobiya: Istoriya izobreteniya straha* [Russophobia: The history of the invention of fear]. Moscow, Konceptual Publ., 2023. 496 p.
26. Tarle E. V. *Samoderzhavie Nikolaya I i francuzskoe obshchestvennoe mnenie* [The autocracy of Nicholas I and French public opinion]. *Byloe*. Peterburg, 1906, n 9. p. 12–42; no. 10, p. 125–159.
27. Tarle E. V. *Sobr. soch.: V 12-ti t. T. 8* [Collected works: In 12 volumes. Vol. 8]. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. 560 p.
28. Frank S. *Vidimaya i nevidimaya vojna v Krymu (Nachalo medijnoj epohi i «Sevastopol'skie rasskazy» L'va Tolstogo)* [Visible and Invisible War in Crimea (The Beginning of the Media Age and Leo Tolstoy's “Sevastopol Stories”)]. *Krymskij tekst v russkoj kul'ture: Mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. St. Petersburg, 2008, p. 126–145.
29. Francev V. A. *Pushkin i pol'skoe vosstanie 1830–1831 g. Opyt istoricheskogo kommentariya k stihotvorenijam «Klevetnikam Rossii» i «Borodinskaya godovshchina»* [Pushkin and the Polish Uprising of 1830–1831: An Attempt at Historical Commentary on the Poems “To the Slanderers of Russia” and “The Borodino Anniversary”]. Praga, 1929. 144 p.
30. Hrapunov N. I. *Bakhchisaraj Edvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossiya i Krym* [Bakhchisaray Edward-Daniel Clark: East, Russia and Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2014, no. 4, p. 141–153.
31. Hrapunov N. I. *Rossiya v Krymu – civilizator ili ugnjetatel'? Obrazy imperskoj vlasti v polemike travelogov konca XVIII – pervoj poloviny XIX v.* [Russia in Crimea – Civilizer or Oppressor? Images of Imperial Power in the Polemics of Travelogues of the Late 18th – First Half of the 19th Century]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii*, 2023, vol. 7, no. 1, p. 190–237.
32. Hrapunov N. I. *Formirovanie obraza Kryma v anglijskoj literature puteshestvij konca XVIII – nachala XIX v.: Dis. ... dokt. ist. nauk* [Formation of the image of Crimea in English travel literature of the late 18th – early 19th centuries. Thesis]. Simferopol, 2023. 507 p.
33. *Alleged Capture of Sebastopol* // *The Illustrated London News*, 1854, 7 October, no. 706, p. 334.
34. Caraguel C. *Beau trait de l'empereur Nicolas* // *Le Charivari*, 1854, 30 Novembre, p. 1.
35. Caraguel C. *Les bulletins du Caucase* // *Le Charivari*, 1853, 22 Octobre, p. 2.
36. Caraguel C. *Les cornettes reparaissent* // *Le Charivari*, 1854, 24 December, p. 1.
37. *Chargeons les Russes. Album de quarante caricatures*. Paris, Charivari, [1854]. 40 p.

38. Delord T. *Considération sur la mort de Nicolas 1er. Datées de la place de la bourse* // Le Charivari, 1855, 5 Mars, p. 1.
39. Delord T. *Les portraits de nouveau tzar* // Le Charivari, 1855, 11 Mars, p. 1.
40. Durand-Brager H. *Combat d'Eupatoria et de la tour Malakoff* // L'Illustration, 1855, 17 Mars, no. 629, p. 163–164.
41. *Enthusiasm in Effigy* // Punch, 1854, 11 February, no. 655, p. 49.
42. Féré. *Le maréchal Le Roy de Saint-Arnaud, général en chef de l'armée d'Orient* // L'Illustration, 1854, 18 Mars, no. 577, p. 168–169.
43. Féré. *Lord Raglan, commandant en chef de l'armée anglaise en Orient* // L'Illustration, 1854, 18 Mars, no. 577, p. 169.
44. *Historical Summary of the Russian War: from its Commencement to the Present Time* // The Illustrated London News, 1854, 11 September, no. 705, p. 317–330.
45. *Killed and Wounded in the Battle of Alma* // The Illustrated London News, 1854, 7 October, no. 706, p. 334.
46. *Les Cosaques pour rire*. Paris, Charivari, 1854. 37 p.
47. *L'Illustration est en mesure...* // L'Illustration, 1854, 11 Mars, no. 576, p. 147.
48. *London, Saturday, June 23, 1855* // The Illustrated London News, 1855, 23 June, no. 749, p. 638.
49. Marchal de Lunéville Ch. *L'empereur Alexandre II et l'impératrice de Russie* // L'Illustration, 1855, 17 Mars, no. 629, p. 161–162.
50. Melot M. *La Guerre de Crimée et les heures sombres de Daumier (1856–1859)* // Новое искусствознание, 2021, no. 2, p. 31–37.
51. *Muscovite Holiness* // Punch, 1855, 28 July, p. 39.
52. Paulan. *Histoire de la semaine* // L'Illustration, 1854, 11 Mars, no. 576, p. 146–147.
53. Paulan. *Histoire de la semaine* // L'Illustration, 1854, 25 Novembre, no. 613, p. 353.
54. *Pity for the foe* // Punch, 1855, 25 August, p. 80.
55. Punch. *A Proposal to the Peace Society* // Punch, 1855, 9 June, no. 726, p. 219.
56. Rosier L. *Fantaisie par Marc* // L'Illustration, 1855, 6 Janvier, no. 619, p. 2.
57. *Russian View of Alma* // Punch, 1854, 14 October, no. 692, p. 143.
58. *Sinope Remembered* // Punch, 1854, 4 November, no. 695, p. 178.
59. *The Bane and the Antidote* // The Illustrated London News, 1854, 16 December, no. 717, p. 626.
60. *The Cross and the Sword* // Punch, 1855, 27 January, no. 707, p. 33.
61. *The Czar's Water Colour* // Punch, 1854, 11 February, no. 655, p. 48.
62. *The Laureate's View of War* // Punch, 1855, 18 August, p. 69.
63. *The Illustrated London News* // Википедия. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/The_Illustrated_London_News (accessed 23.10.2025).
64. *The Russian Eagle* // Punch, 1855, 6 January, no. 704, p. 3.
65. *The Victory in the Crimea* // The Illustrated London News, 1854, 7 October, no. 706, p. 333–334.
66. *The War against the Barbarians* // The Illustrated London News, 1854, 11 February, no. 668, p. 117–118.
67. *The Women's Friend Society* // Punch, 1855, 6 October, p. 135.

BETWEEN FEAR AND LAUGHTER: THE TACTICS OF "INFORMATION ATTACKS" IN THE ANGLO-FRENCH PRESS DURING THE CRIMEAN WAR

Орехов В. В.

The article identifies similarities and differences in the tactics of anti-Russian propaganda deployed by the British and French press during the Crimean War. The comparison focused on two British and two French publications, typologically and genetically related: The Illustrated London News vs. L'Illustration, and Punch vs. Le Charivari. Observations revealed that British anti-Russian propaganda during the Crimean War was more virulent and cynical than its French counterpart. This was explained by a combination of factors. The British army suffered high combat and non-combat losses in Crimea; British public opinion was not prepared in advance for war against Russia; and a small, but still noticeable, segment of British society did not share the government's military plans. Public sentiment had to be fostered "in an emergency" and fueled by extremely harsh "information dumps" that evoked horror and rage in the face of the "Russian threat." Overall, propaganda tactics in England and France followed a similar pattern: on the one hand, fear of the "Russian threat" was instilled, while on the other, Russia was ridiculed, convincing the average person of an easy victory.

Keywords: information warfare, The Illustrated London News, Illustration, Punch, Charivari, Honga Massacre, Sinop Massacre, Roger Fenton.